

УДК 94(436).08+94(477)

UDC

DOI: 10.17223/23451734/9/3

ПРИКАРПАТСКАЯ РУСЬ В ПОЛИТИКО-НАЦИОНАЛЬНОМ ОТНОШЕНИИ Post lenebras lux

Автор неизвестен

Резюме

В статье анализируется политическая жизнь русинов Галиции, показывается история развития политических движений и партий в Галичине, зарождение украинофильства и появление «червонорусского сепаратизма». Автор считает, что, несмотря на существовавшие расхождения в политических взглядах между партиями Галичины, все они имели одну общую, весьма важную цель – «служить тому народу, из которого они произошли». Это было главным, что их объединяло.

Ключевые слова: русины, Галиция, русинское движение, украинофилы, сепаратизм.

CARPATHO-RUS' IN POLITICAL-NATIONAL RELATIONS Post lenebras lux

Author unknown

Abstract

The political life of the Rusins of Galicia, the history of the development of political movements and parties, the origin of Ukrainophilism and the appearance of “Red-Russian Separatism” is analyzed in the article. The author considered that even though the existing parties in Galicia diverge in their political views, all have one common very important goal and task – to serve their people from which they originated. According to the author, this is the main thing which unites them.

Keywords: Rusins, Galicia, Rusin Movement, Ukrainophiles, separatism.

В первые века своего исторического существования восточные славянские племена под владычеством варяго-русских князей сделали несколько успешных шагов к установлению своего народно-государственного единства, но несчастный обычай дележа территории между князьями не дал упрочиться этому единству. В средние века последовало распадение Руси: в то время, когда Восточная Русь подверглась игу азиатских варварских племен, Западная мало-помалу вошла в состав Великого княжества Литовского, Червонная же, или Галицкая Русь, обессиленная татарскими погромами и внутренним неустройством, была покорена соседней Польшей и с тех пор разделяла ее судьбу. Польское господство сказалось на Руси крайним упадком русской народности – что было, впрочем, весьма естественно. С самого начала XIV века и до наших дней польские писатели, наперекор этнографической и исторической истине, старались и стараются утвердить в польском правительстве и обществе ту любимую свою мысль, что Русь Западная и Южная ни в чем не походит на Русь Северную и Восточную, лживо присвоившую себе будто бы это имя и принадлежащую к другому совершенно племени. Оттого поляки так вели себя в Западной Руси, что в четыре столетия обратили землю Осмомыслов, Даниилов в землю холопов; древние боярские роды и вольные русские люди из нее вытеснены, прогнаны или принуждены переродиться в чужаков, отступить от веры и языка предков, а простой народ по принуждению насилием бессознательно сделался каким-то получленом другой церкви.

Неудивительно, что последовавшее вслед за первым разделом Польши в 1772 г. присоединение Прикарпатской Руси к Австрии показалось русским галичанам, измученным духовно и телесно в течение с лишком 4-векового польского владычества, настоящим избавлением от тяжкого ига и даже благодеянием.

Вначале действительно это присоединение до некоторой степени было благотворно для русских. Желая справиться с поляками, Австрия признала полезным создать себе в стране опору против них в лице русского народа. В этих видах она провозгласила право русского народа на отдельное от поляков существование. Червонная Русь вздохнула свободнее. Бессознательно таившаяся в курных (черных) крестьянских избах русская народная жизнь встрепенулась и потекла вольнее. Воспрянувшее из усыпления и невежества духовенство прозрело и стало сближаться с народом. Не прошло более одного поколения, как уже ясно заметны первые проблески новой жизни Червонной Руси.

Но этот подъем русского духа не был продолжителен. Австрийское правительство, справившись с поляками, переменило фронт.

Его политика по отношению к Червонной Руси стала другой. Оно перестало отличать русских от поляков, желая равно тех и других сделать немцами. Совершенно забытая остальным русским миром, без сношений, со смутными понятиями и преданиями о былом и всецело предоставленная самой себе, Червонная Русь в лице своей интеллигенции, ютившейся почти исключительно среди духовенства, воспитанного в немецких школах немецкими учителями в немецком духе, только урывками, случайно и тайком могла заниматься делом самопознания и самоизучения. Тем не менее поступательное движение Червонной Руси к возрождению не прекращалось. Пробираясь ощупью, находясь в полном неведении всего того, что было, и в особенности что в данное время творилось на Руси, за пределами Галичины, галицко-русские деятели, несомненно, выбрали бы все-таки на верный путь, не разразись в Австрии как раз в эту пору революция 1848 года, который для Червонной Руси оказался особенно тяжелым.

Теснимая со всех сторон, между прочим, и поляками, снова поднявшими голову, Австрия искала помощи везде и у всех, где только надеялась найти ее. Обратилась она за помощью и к русским, которыми пожелала снова воспользоваться для усмирения поляков. Но у Австрии были при этом еще другие соображения: от ее внимания не ускользнуло зарождавшееся в русском народе стремление к политическо-национальному освобождению, и она пожелала дать этому стремлению желательное для себя направление. Стараясь, с одной стороны, при содействии русских справиться с поляками, она, с другой, стремилась, чтобы совратить самих русских с пути их естественного развития, сделать более вероятным и возможным конечное превращение их в немцев. Что тогдашнее австрийское правительство в этом отношении хорошо знало, с кем иметь дело, это доказывается тем, что оно само, нуждаясь в помощи русских, тем не менее не убоилось диктовать им свои условия. Тогдашний наместник Галиции граф Стадион прямо заявил явившимся к нему по его приглашению виднейшим русским представителям, что Австрия, ценя верность и преданность русского народа государству и престолу, милостиво требует: первое, чтобы русский народ пришел ей на помощь в нынешние тяжелые для нее времена, и второе, чтобы он отказался от своего «я», забыл свое родство с остальным русским миром, с которым не должен-де иметь никакого общения, и впредь именовался бы не русским народом, а *рутенами* (Ruthenen): за это Австрия обещает им *в виде особенной награды* защищать их *от произвола поляков и латинского духовенства* и предоставить им *свободу* народного развития. Если же русские не примут этих условий

и не откажутся *от своего единства с остальным русским миром*, то Австрия не только не будет поддерживать их, но предоставит полякам полную возможность их ополячивать, ибо русских, состоящих в культурном и народном единстве с остальным русским миром, Австрия считает для себя более опасными, нежели поляков.

К сожалению, тогдашние представители галицко-русского народа по своей политической неопытности ответили на это позорное предложение изъявлением своего согласия! Они слишком поторопились, боясь упустить удобный, быть может, единственный случай освободиться от польского гнета и от вмешательства поляков в их внутренние дела. Граф Стадион знал, чем запугать русских: одна только возможность возвращения польского гнета приводила их в содрогание и ужас.

Названные русские люди, очевидно, не придавали особенного значения предложенному им переименованию в «*рутенцев*». «Это пустая внешность, — думали они, — не в названии дело. Русский народ и русская интеллигенция всегда останутся русскими и впредь, как были русскими и до сих пор». Так думали они! Они не подозревали, что то, что для них было только внешностью, другие ухитрятся превратить в самую суть дела.

Как бы то ни было, но роковой шаг был сделан!

Русские не сумели воспользоваться представившимся случаем для действительного обеспечения своего народного существования и начавшегося народного возрождения. Этот шаг сделался началом зла и корнем бед Червонной Руси. С этого момента в народном организме червонорусов начинает развиваться болезнь, которую нельзя назвать иначе как рутенизмом. Этой болезнью они болеют до сих пор. Она сделала их нерешительными, уступчивыми, трусливыми, раболепными, недовольными и недоверчивыми, она вселила в них уныние, довела многих из них до отчаяния, породила в их среде антагонизм и убоицы, раздробила их силы, лишила их отваги и гражданского мужества; она же, наконец, сделала их равнодушными к собственным судьбам!

Сделавшись правительственной партией, русские не сумели извлечь из своего положения всех тех выгод, какие даются сами собой приверженцам правительства. Надеясь, что правительство останется верным данному им обещанию и действительно поможет им в деле их народного развития, русские ждали, что оно по собственному побуждению будет оберегать их интересы и исполнять их желания. На деле вышло совсем не то! Пока монархия Габсбургов нуждалась в русских, она еще делала им кое-какие уступки, когда же революция в Австрии была подавлена, спокойствие в стране водворено и пра-

вительство почувствовало себя крепким, оно вовсе перестало о них думать. Но, не нуждаясь больше в русских и на самом деле не оказывая им никакой поддержки, правительство все-таки открыто не порвало с ними. Оно продолжало убаюкивать их обманчивой мыслью о том, что они пользуются его покровительством и благодаря этому могут жить с надеждой на большие народные и политические успехи в будущем. Для правительства в данном случае было важно оставаться господином положения и не дать сбившемуся на ложный путь народному движению русских взять снова надлежащее направление. Думавшие перехитрить австрийское правительство русские сами были обмануты им: правительство действительно успело всецело завладеть народным движением на русском Прикарпатье и направлять его по своему усмотрению.

Такую картину представляла Прикарпатская Русь до 1861 года, когда в Австрии впервые были сделаны попытки ввести Конституцию.

В конституционном государстве, в особенности с разнородным населением, решающее значение для благополучия того или другого племени имеет не политическая благонадежность и преданность его престолу, а его сила. Кто силен, того боятся, а кого боятся, тому дают. Кто же слаб, тем пренебрегают, того осуждают служить этнографическим материалом для удовлетворения сильных.

Так было и с русскими в Австрии. В то время как они под мнимым покровительством правительства успели, по сравнению с их положением до 1848 г., внутренне значительно ослабеть, поляки, напротив, ведя постоянную борьбу с правительством, заметно окрепли. С ними правительство не могло не считаться, в покорности же русских и в их слепом повиновении себе оно было уверено. Поляки были сильны, а русские были слабы, и потому правительство пожертвовало вторыми для удовлетворения первых. Чтобы привлечь поляков на свою сторону, правительство должно было исполнять их желания. А желания поляков и все их стремления были направлены к тому, чтобы, с одной стороны, оградить себя от германизации, а с другой — получить возможность беспрепятственно ополячивать русских и в конце концов сделаться в Галичине полновластными и неограниченными господами. Если в первом стремлении правительство не особенно поддерживало поляков, то русских мало-помалу оно стало выдавать им с головой.

Такое поведение правительства не могло не вызвать в русском народе и в русской интеллигенции общего недовольства, которое стало все сильнее и заметнее проявляться. Однако русские деятели того времени продолжали оставаться верными слугами этого правительства.

Но даже в это прискорбное время особенной уступчивости правительства по отношению к полякам русские могли бы успешно защищать свою независимость, умея они дружно заявлять и энергично поддерживать свои требования. Но у деятелей того времени не хватило на это мужества, а поляки направили все свои усилия к тому, чтобы возникшее в среде русской интеллигенции недовольство разжечь до открытой вражды и таким образом внести в русский лагерь смуту и раздор.

Тем временем подоспело польское восстание 1863 г. Поляки хотели привлечь в свои ряды галицко-русскую молодежь во что бы то ни стало и начали в среде ее усиленно агитировать. Они не без удачи пустили в ход между нею свою выдумку об отдельности малороссийского языка от языка русского, указывая ей на зарождавшуюся тогда «особую» малороссийскую словесность. Для подкрепления своей агитации поляки выписывали из Малороссии своих мастеров этого дела, но успех решительно стал улыбаться им с того момента, как им удалось перетянуть на свою сторону советника апелляционного суда во Львове Юлиана Лавровского, пользовавшегося тогда особенным доверием русского общества. С этого времени может считаться начало возникновения в Галичине партии «украинофилов».

Эта пария была вначале по преимуществу литературно-национальной. Идеалом украинофилов был Шевченко, они рядились в казацкую «свиту» и распевали южнорусские песни. Негодование против «рутенизма» и против «рутенцев» стало их девизом. На почве украинофильства и вырос червонорусский сепаратизм, который в новейшее время стал особенно смел и несговорчив, перешел в так называемую «новую эру».

Негодование это, впрочем, неудивительно. «Рутенская» маска, которую носили деятели сороковых и пятидесятих годов, была принята многими серьезно за действительность, форма, внешность — за самую сущность явления. Если бы эти деятели в свое время выступили с решительным и откровенным словом, то начавшемуся разделению, несомненно, был бы положен предел, но этому препятствовали, во-первых, слишком глубоко засевшая в галицко-русском теле заноза «рутенизма», во-вторых, не дремавшая польская интрига. Раздвоение росло и усиливалось.

К украинофильству молодежи вначале галицко-русские деятели относились с улыбкой, когда же в середине 60-х годов они спохватились и сознали, что сделали крупный промах, то было уже поздно. Раздвоению дано было совершиться беспрепятственно, и в 1866 году, когда покойный ныне отец И.Г. Наумович, самый заслуженный

деятель в Галичине, кликнул во львовском «Слове» свой громкий клич о единстве всего русского народа и пригласил Червонную Русь бросить, наконец, причинивший ей столько зла «рутенизм», то на зов его откликнулась только часть молодежи. Галицко-русские деятели продолжали идти прежним путем, «рутенизм» не прекращался, в защите народных интересов слово расходилось с делом, покорное и слепое служение правительству не ослабевало, несмотря на явное с его стороны предпочтение во всем полякам и на выдачу им русского народа на милость и немилость.

Недовольство среди русских усиливалось, и в середине 70-х годов украинофилы, поддавшись чуждому влиянию, выделили из своей среды новую партию, партию *социалистов*, правда, весьма незначительную. Во главе этой парии стали И. Франко и М. Павлик. Несмотря на преследования со стороны правительства, эти господа продолжают идти избранной дорогой, внося еще больше горечи в несладкую и без того народную жизнь и знаменуя собой новое дробление разрозненных сил русского народа.

В таком положении застаёт Червонную Русь 1879 год, начало министерства графа Таафе с его пресловутой программой «примирения народностей». Для русских эра Таафе ознаменовалась доведением системы выдачи их полякам до крайних пределов. С этим временем совпадает также начало крепкой организации партии сепаратистов, которая из литературной превращается в политическую и основывает для своих целей специальный орган «Дело».

Русские дела усложняются. Гнет правительства, вернее, поляков, становится невыносимым. Русские деятели начинают подумывать о решительном отпоре. В печати раздаются громкие голоса, которые настойчиво требуют этого отпора. Во Львов переселяется из Угрии Адольф Иванович Добрянский (в 1881 г.), который сразу становится центром русской жизни и деятельности. Русская университетская молодежь, особенно в Вене, начинает серьезно интересоваться русским народным делом и по мере сил служить ему. Поляки и сепаратисты приходят в смущение и в волнение, и результатом этого является громкий и скандальный для австрийского правительства политический процесс 1882 года по раздутому обвинению нескольких галицко-русских патриотов в государственной измене.

После этого процесса, представившего в довольно ясном свете перед Европой «примирительную» систему графа Таафе, австрийское правительство готово было известными уступками загладить свою вину перед русским народом, в котором замечался вдобавок сильный подъем духа, вызванный именно этим процессом. Но русские деятели и тут не сумели воспользоваться моментом, необык-

новенно для них благоприятным. Интеллигенция колебалась, обнаруживала малодушие, и правительство, зорко следившее за настроением, не преминуло воспользоваться этим и даже усилило в угоду полякам антирусские строгости. Самые видные деятели русской народной партии увидели себя вынужденными покинуть родину. Наумович и Площанский выселились в Россию, а Добрянский живет с тех пор в Тироле.

Тем не менее шаг в противоположную сторону был сделан, русская народная партия перешла в оппозицию. Под воздействием последовавшего вскоре грустного факта отдачи русских монастырей в руки иезуитов одумались также сепаратисты, и между обеими партиями начало устанавливаться заметно более тесное общение. На трех сряду общих вечках они пришли к заключению о необходимости и возможности действовать сообща — и действительно, как будто соединились для общего служения русскому делу и русскому народу. Но в то время как со стороны русской народной партии это соединение было совершенно искреннее и без всякой задней мысли, партия сепаратистов вступила в союз только для того, чтобы чужими руками жар загребать. Русская народная партия, несмотря на свою дезорганизацию, всегда была сильна сочувствием широких народных громад, ибо *русские простолюдины* никогда не переставали быть *русскими*. Партия сепаратистов, напротив, в народе никогда влиянием не пользовалась. Потому-то она и задумала при помощи русской партии поднять в глазах народа свой престиж и таким образом усилить на него свое влияние, дабы отдалить от русской партии и привлечь на свою сторону. Для поляков и правительства, с которыми партия сепаратистов продолжала поддерживать тайные сношения, все это не было тайной, и правительство поэтому еще решительнее стало на сторону этой партии.

Однако, идя с русской партией открыто, на виду у всех, якобы за одно, а в тайне донося на нее правительству, стараясь ее отовсюду выжить и умалить ее значение и влияние, сепаратисты все-таки сослужили службу этой партии, а, следовательно, и русскому делу. Нравственно подкрепленная этим, хотя и мнимым, единением со всеми деятелями русского народа русская партия усилилась настолько, что во львовском сейме поляки должны были считаться с русской оппозицией, и правительство, видя бесплодность деятельности сепаратистов, втайне искало соглашения с русской народной партией. Но русские люди отклоняли тайное соглашение. Тогда правительство пустило в действие все свои тайные пружины и силы для того, чтобы снова довести до открытого раздора русские партии, ибо оно убедилось, что не русские у сепаратистов, а напротив,

сепаратисты у русских идут на буксире.

Это новое разделение русских сил удалось правительству совершить осенью 1890 года. В львовском сейме посол Романчук выступил с заявлением, в котором снова провозгласил южнорусский сепаратизм. Сепаратисты отказались действовать заодно с прочими русскими братьями, обязавшись, напротив, единиться с поляками, безусловно служить Риму, то есть католичеству, австрийскому правительству и западной цивилизации.

Это официальное заявление Романчука означало полный и окончательный разрыв между русской народной партией и сепаратистами и ознаменовало собою водворение так называемой «*новой эры*» последних.

С этим же временем совпадает возникновение в Галичине третьей русской партии, «радикальной», с бывшими социалистами Франком и Павликом во главе. Хотя в народном смысле эта новая партия отождествляется с сепаратистами, но в политическом она с ними расходится, не признавая единения с поляками, а в религиозном отношении отрицая всякую религию. Эта партия имеет теперь своим центром гор. Коломыю.

Для русской народной жизни и русского дела в русском Прикарпатье заявление Романчука как политическое событие по значению своему равняется злополучным 1848 и 1882 годам. Русская народная партия и на этот раз не сумела воспользоваться представившимся удобным моментом и выступить с контрзаявлением, в котором ясно и решительно она бы изложила свою программу и свои требования к полякам и правительству. Бремя рутенизма (синоним малодушия, политической нерешительности, трусливости и т. д.), к сожалению, подавляло еще своей тяжестью русских людей, и они не посмели открыто и прямо выразить свои чувства и чувства австро-угорского русского народа, которые раньше или позже все же придется заявить.

Таившуюся в заявлении Романчука пользу для русского дела извлечь, таким образом, не сумели, а дурная, вредная его сторона обрушилась на русский народ всей своей тяжестью. К полякам отпала часть русских сил, возникла новая партия, и антагонизм между приверженцами различных политических партий усилился до открытой непримиримой вражды.

Кроме того, надежда Романчука на поляков и на правительство послужила в глазах народа недвусмысленным свидетельством совершенного якобы бессилия русских чего-нибудь достигнуть собственными силами, вера в которые вследствие этого сильно пошатнулась.

Но и для сепаратистов «новая эра» не ознаменовалась ничем хорошим: улучшения не последовало никакого, и они начинают уже убеждаться в совершенной ими ошибке. Пользы от их рокового шага не вышло ни им, ни народу, а вред оказался значительный. Решительный переход их на сторону поляков и правительства сопровождался расстройством их сильной прежде организации, дроблением сил, унынием и общим недовольством.

Будь русская народная партия организована, имей она решительных и просвещенных предводителей, она, наученная опытом 1848, 1882 и 1890 годов, без большого труда могла бы теперь овладеть положением и поправить допущенное ею зло.

Но, к сожалению, отсутствие всякой организации является хронической болезнью русской народной партии, которой она болеет до сих пор! И эта ее болезнь парализует ее силы, несмотря даже на то, что за этой парией стоит весь русский народ и огромное большинство русского духовенства, почти безграничным доверием которых она пользуется. Бессилие народной партии в значительной степени обуславливается также крайней материальной бедностью русского народа и полным отсутствием в Галичине русских помещиков. Эта бедность служит помехой во всех начинаниях. Благодаря ей русский народ не в состоянии выдвигать из своей среды более или менее значительный контингент людей с высшим образованием. Русские мелкие чиновники и учителя вследствие все той же своей бедности находятся в полной зависимости от своих польских или немецких начальников. Ежели такой чиновник или учитель осмеливается признавать себя русским, то его переводят в отдаленные провинции, и вдобавок он навсегда лишается надежды подвигаться вперед по службе. Крупных же чиновников русский народ не имеет почти никого.

В таком же положении находятся дела и русского духовенства. Высшую духовную иерархию оно давно потеряло, а польские или правительственные ставленники не только не защищают его, но сами являются главными гонителями как его, так и вообще верных народу деятелей. Русское духовенство, таким образом, совершенно бессильно в борьбе против преследований со стороны старост, уездных начальников и панов-колаторов, у которых оно, по безвыходной бедности и многосемейности, находится в полной, чуть не рабской зависимости.

Воскресающие на Червонной Руси русское ремесленное сословие и мещанство не могут подняться выше уровня самых жалких партий, будучи бессильны вследствие все той же бедности выдерживать соперничество с богатыми поляками, немцами и евреями.

Но беднее всех червонорусский крестьянин-«хлебороб»!

Такова в беглом очерке картина *политического* положения Австро-Угорской Руси.

Чтобы выйти, однако, из такого бедственного положения, в чем должна заключаться программа ближайшей деятельности русских людей в Галичине?

Первый и самый главный член ее должно составлять стремление к тому, чтоб укрепилось и сделалось аксиомой в народной жизни и деятельности русских галичан сознание, что им не на кого в Австрии полагаться, не от кого ждать добра. Исключительно собственными силами должны они добиваться своих прав, упрочивать свое существование и положение. С 1848 года они ведь имели достаточно времени и опытов убедиться в том, что надежды на помощь и поддержку австрийского правительства обманчивы и даже пагубны для них. Нет сомнения, что и галицкие сепаратисты, которые, по-видимому, не изучали судьбы Червонной Руси под Польшей или, может быть, забыли о ней уже, убедились или скоро убедятся в том, что, как ни расходятся существующие в Галичине партии, *русская, сепаратистская и радикальная*, в своих воззрениях и средствах действия, все они имеют одну общую, весьма важную цель и задачу — служить тому народу, из которого они произошли. Многое, очень многое разъединяет их, но несравненно большее и, главное, несравненно более важное их соединяет. Недалеко то время, когда всякий червонорус, если только он не упал столь низко, что сознательно служит чужим и враждебным червонорусскому народу интересам, проникнется сознанием, что без искреннего и честного объединения всех сил борьба русских галичан за существование должна остаться безуспешной и бесцельной. Это народное *объединение сил* должно совершиться непременно раньше или позже, но его может осуществить только *русская партия*, носительница исторических преданий, вызвавшая возрождение Червонной Руси, руководившая им до сих пор и пользующаяся доверием и симпатиями всего народа. А чтоб осуществить предстоящую ей столь важную и тяжелую задачу, русская партия должна вовремя подготовиться к ней и решительно взяться за ее осуществление. Она должна уяснить себе свое важное призвание и ответственное положение как народной партии и умело провести свою организацию. В ее рядах насчитывается много способных, деятельных и самоотверженных людей, но главный ее недостаток составляет отсутствие всякого руководства и крайняя нерешительность. Когда устранятся эти недостатки и руководство партией будет находиться в опытных, крепких и авторитетных руках, ныне разрозненные русские силы сомкнутся в тесные ряды,

и живым ключом закипит ее жизнь и деятельность. Когда червонорусы достигнут всего этого, тогда и будет найден выход из их, на первый взгляд, безвыходного и отчаянного положения; тогда не будет затруднения в выборе средств для упрочения их существования. Сила Прикарпатской Руси — это ее народ, ее крестьянство. Этот народ теперь зависим и беден и до сих пор, несмотря на многолетние просветительные труды покойного Наумовича, еще довольно темен. Пока он не будет составлять свободной и сознающей свои гражданские права сплошной массы, до тех пор самая усердная и самоотверженная деятельность интеллигенции будет слаба и недостаточна. Когда же будет сделано все это, хватит у червонорусов, наверно, и решимости настойчиво потребовать от правительства всех принадлежащих им прав, и тогда добьются они всего того, в чем теперь так нуждаются, чтобы сделаться, наконец, действительными хозяевами на своей праотческой, родной русской земле!

Источник: Прикарпатская Русь в политико-национальном отношении. Post lenebras lux // Благовест. Приложение к «Русской беседе». 1895. Январь. С. 54–63.

Source: Prikarpat'skaya Rus' v politiko-natsional'nom otnoshenii. Post lenebras lux [Carpatho-Rus' in Political-National Relations. Post lenebras lux]. Blagovest. Prilozhenie k "Russkoi besede". 1895. January. pp. 54–63.